

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2012" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2012 года.

1 место

Конкурсное стихотворение номер 127.

Одна жизнь Дашратха Манджхи

Дело было недавно, почти вчера. Засекай полвека до наших дней.
Деревушка в Бихаре, над ней гора. И тропа в обход. И гора над ней.
Путешествие в город съедало дни, напрямик по скалам - смертельный риск.
Вот крестьяне и жили то вверх, то вниз. Да и что той жизни - навоз да рис.

Он - один из них, да, считай любой,
И жена-хозяйка, считай - любовь.
И гора смолола её, урча,
В хороводе оползня закружив.
До больницы день. Это птицей - час,
А, когда телегой, возможно, жизнь.

Тишина скользнула к его виску, прошуршала по глиняному порогу.
Неуклюже щерилась пасть окна, свежесломанным зубом белел восход.
И тогда крестьянин достал кирку и отправился делать в горе дорогу,
Потому что, если не можешь над, остаётся хотя бы пытаться под.

- Здравствуй, гора, - и удар киркой - это тебе за мою жену,
За скрип надежды по колее, бессилие, злость и боль.
- Здравствуй, гора, - и удар киркой - это тебе за то, что одну
Жизнь мне суждено провести в этой борьбе с тобой.

Он работал день, он работал два, он работал неделю, работал год.
Люди месяц пытались найти слова, а потом привыкли кормить его.
Догорит геройства сырой картон, рассосётся безумия липкий яд,
Только дело не в "если не я, то кто", и не в том что "если никто, то я".

- Здравствуй, гора, к чему динамит, я буду душить тебя день за днём,
Ломать твои кости, плевать в лицо, сбивать кулак о твою скулу.
- Здравствуй, гора, к чему динамит, ты ещё будешь молить о нём
Все эти двадцать калёных лет, двести палёных лун.

И гора легла под кирку его.
И дорога в город, примерно, час.
Потому что время сильнее гор,
Даже если горы сильнее нас.
Человек-кирка. И стена-стена
Утирает щебня холодный пот.
Потому что птицы умеют над,
Но никто иной не сумеет под.

Помолчим о морали, к чему мораль. Я бы так не смог, да и ты б не смог.
Деревушка в Бихаре, над ней гора. У горы стоит одинокий бог.
Человек проступает в его чертах, его голос тих, но удар весом.
Человек просто жил от нуля до ста. Да и что той жизни - земля да соль.

2 место

Конкурсное стихотворение номер 165.

Глобальное потепление

Однажды кто-то выдохнет — и разом
превысит в атмосфере норму газа —
(ну, станет слишком много CO₂) —
тогда с зимовок разлетятся стаи,
уйдут снега, и ледники растают —
всё, всё поглотит жадная вода —
ей наплевать на силы наших армий...

И коли прав был старикашка Дарвин,
то эволюция раскрутится назад:

тела изменяют все свои изгибы,
и жабры прорастут.
Мы станем – рыбы.
И поплывём.
И выпучим глаза.

3 место

Конкурсное стихотворение номер 133.

Одинокий гвардии капитан познакомится

Первой своей он читал с угловатым шармом
запредельных Рильке и Мандельштама,
ревновал к декану, возбуждался, злился,
поцарапав лицо о пупочный пирсинг,

вниз лицом на её окровавленном животе
лежал, как солдат на занятой высоте.

Но мельчает Рильке, Мандельштаму - тесно
в женском скудомыслии-редколесье,
к тому же, она целовала шарпея в слюнявую морду,
а капитан, увы, был брезглив от природы...

Со второй было холодно, сумрачно изначально
после мелочной ссоры неделю молчали,
и опасность жила в молчаливой неделе,
неусыпная, будто в Аргунском ущелье,

её зевающий рот
напоминал дзот.

Потому никогда
ни тверёзым, ни пьяным в дым
капитан не рассказывал им:

Нет прощенья, вины. Нет ни рая, ни ада.
есть заутренний миг – звон лозы виноградной
просторечный восторг родника,
сон камней в желторотом пуху эдельвейсов,
в тишине этой смертной - в кого ты ни целься –
обязательно дрогнет рука.

Капитану не спится, ночь змеится, двоится,

воронёная осень в окне серебрится,
и, в лицо ударяя, царапает больно
ветер оцинкованный колокольный,
оглушает, бьёт ледяным огнём...

Не по нём ли колокол,
не по нём?

4 место

Конкурсное стихотворение номер 55.

В плацкартном вагоне

«Скорый» ход набирает, время его пришло —
Измерять колесами Среднюю полосу.
А моя попутчица — как же не повезло —
Говорливая тетка, жующая колбасу.

И она все болтает, битком набивая рот...
Вот ведь, думаю, надо же — выдался мне «досуг»!
А она — про соседку, Путина, огород...
Начала о себе. Побежали мурашки вдруг.

И в глазах ее шевельнулось на самом дне
То, что с детства задолблено: взялся — тяни свой гуж...
Ее сын в девяносто пятом погиб в Чечне.
В девяносто девятом повесился спьяну муж.

Она, пот отирая со лба, говорит: «Жара».
Отхлебнув воды, улыбается: «Хорошо».
У нее умирает от рака в Москве сестра,
Она едет прощаться с последней родной душой.

Паренька жалеет: «Совсем еще не окреп.
Видно мать измаялась, бедная, ждать сына!» —
Спит в наушниках тощий дембель, сопя под рэп,
С верхней полки свисает жилистая рука.

Все затихло, уснуло, съежилось, улеглось.
И вагон стучит колесами и храпит.
Но метет мозги бессонницы помело.
Сколько сорных мыслей...
какая из них пронзит,
прошибет, проймет до ядрышка, до нутра? —

«Я лишь пепел Европы, и здесь не моя страна»...

Как же сладко курится в тамбуре в пять утра!
За окном рябинно, розово. Тишина.

5 место

Конкурсное стихотворение номер 228.

Эмегельчин Ээрен. Дух продолжения рода

Черная кошка — ночь — свернулась вверху бытия.
Желтым злым медом текут глаза ея.
Она запускает когти елей и кедров в тела
Сладких форелей. Горящий ручей течет оттуда, где мгла.
Земля жжет босую пятку. В ночи земля отдает тепло.
В юрте две жирных бараньих свечи коптят, чадят тяжело.

Закрой глаза. Секунда — век. Закрой — и уже зима.
В юрте предсмертно кричит человек. Зверем сходит с ума.
В юрте — стоны, крики, возня. В зубах зажат амулет.
Ноги роженицы, как ухват, держат бешеный свет.
Тот, кого нет, ломает мрак, сквозь родовые пути
Продирается, сквозь лай собак: до холода, до кости.
Обнимает голову тьма. Луковицу — земля.
Винтись, грызись, - так входят тела в тебя, земная зима.
Зубья красны. Кровавы хвощи. Пещера: звездами — соль...
Дави, бейся рыбой, слепни, - ищи! - пробейся наружу, боль!

Тебя не ждали на этой земле. Тебя не звали сюда.
Плыви, червяк, голомянка, во мгле. Хрустальна небес вода.
Раздвинулись скалы. И хлынул свет. И выметалась икра
Слепящих планет!
Но тебя уже нет —
Там, в небе, где звезд игра!

Плачь, мать! Прижимай пирожок к груди! Сама месила его!
По юрте — снега.
По юрте — дожди.
Небесное торжество.

Ты рыбу жизни словила опять. Кто ей приготовит — нож?!
Ты выткала звездами полог, мать. Ты завтра в степи умрешь.

Но сын созвездья твои прочтет на черной глади ковра:

Вот Конь, вот Охотник, вот Ледоход,
Вот Смерти свистит Дыра.

А в самом зените — Кол Золотой отец крепко в мать вбил:
Чтоб род продолжался его святой,
Чтоб тяжело качался живот над пятой...

...чтоб старой елью, слепой, седой,
Все помнила, как любил.

6 место

Конкурсное стихотворение номер 9.

Сыктывкарский шаман

Памяти друга

Вавилов, пасынок Вавилона,
проездом в вечность гостил у нас,
на бренном ложе, на скорбном лоне,
перебиваясь с воды на квас.
И от него я узнал на коми,
что значат "парма" и "Сыктывкар".
Да, он был трагик, да, он был комик,
Дедал — делами, душой — Икар.
Он строил башню, кричал, как баньши,
умел музы'кам и языкам,
был хитромудрым, был бесшабашным,
но пал однажды его секам.
Он знал, как роют, как матом кроют,
то он был мягок, то он был строг,
и о поэтах твердил порою:
попса, мол, Саша, а Миша — рок!
Водил руками, ходил кругами —
и выходил на последний круг,
гулял с богами, бухал с врагами,
пастух Пегаса и Музы друг.
Он знал и помнил, но взял — и помер,
не попрощавшись, ушёл в астрал...
А я утратил небесный номер,
небесный адрес я потерял.

7 место

Конкурсное стихотворение номер 15.

От большой любви

От большой любви рождаются лучшие дети, ну, а то, что Юрис женат — ничего, не страшно, ты давно привыкла счастье держать в секрете, ты ещё посмотришь, кто тут — заблудший третий, Юрис чётко и ясно сказал — разведусь однажды.

От большой любви не скроешься, и не пробуй, всем известно — чувства не снабжены штурвалом, а когда тебе тридцать, зеркало смотрит строго, пахнет воздух предосенней смутной тревогой, — знай бери что дают — и не жалуйся, если мало.

--

Как-то неловко, неаккуратно вышло: Юрис сгорел от рака, да не развёлся. Но ведь дарил — пускай не кольцо, а кольца, да и живое наследство — хмурится, дышит, что-то поёт — почему про другое солнце, ты покупаешь ей всё, ты рада стараться! «Ну, ничего, — утешаешь, — потом ещё посмеёмся, звякни лучше подружке, сходи на танцы».

Это несправедливо — растишь принцессу, ждёшь короля ей, замка да платьев ярких — выросла зверь с наследственным лишним весом, пачкой стишат и Снейпом на аватарке. Ты, чёрт возьми, сдаёшься. Читаешь Роулинг. И нанимаешь старенькую поэтессу. Та говорит — не рифмуйте «крови» и «кровли». Детка шипит — мне иначе не интересно.

--

И не то что хвастаться нечем — дочь уехала за границу. Только всё не по-человечьи — ни карет, ни дворцов, ни принцев. Что там принцы — тебе бы внуков, только дочь не выходит замуж. В ставни Юрис стучится глухо — просыпаешься со слезами.

Это Юрис, конечно, Юрис, собрала отцовские гены. Нет чтоб жить, как мама — не хмурясь, ведь любовь — одна — неизменна! Вспоминаешь: хотела сына. Получаешь книгу по почте.

Осень. Дымно, темно и сыро. Ничего не понять. Ни строчки.

8 место

Конкурсное стихотворение номер 176.

Груши на хохломском блюде

Мы сидели на веранде,
мы неспешно ели груши,
ели, чавкали, за ели
солнце заходило, за
ближний холм. Сказать по правде,

мне, болтливой рыжей вруше,
было стрёмно, как в купели,
было cool. И за глаза

я скажу, что было вкусно,
топко, мягко, непротивно.
Но тебе – не жди, ни слова!
Ем, молчу, смотрю закат.
Между письменной и устной –
эти груши. Груши дивны.
И чего же в них такого,
если ум мой, языкат

и треплив, когда не надо,
спешно складывает строки
в столбик, в стену, в небоскрёбы,
в город. В город – ни ногой.
Здесь у нас робинзонада.
Глянь, как груши желтобоки.
Здесь у нас любовь до гроба.
Правда, сладко, дорогой?

9 место

Конкурсное стихотворение номер 75.

В булочную

Храни Господь двух бабушек бумажных
(и с ними иже всех, кто будет стар)
Когда они форсируют отважно
Бурлящий после ливня тротуар.

Когда они плывут в людском потоке,
Не слышащем, не видящем ни зги,
Убереги пергаментные щёки,
Их шелестящий шаг убереги.

На мокрой, скользкой, как стекло, брусчатке
Листов опавших вдоволь настели,
Вложи им силы в сухонькие лапки,
Уменьши притяжение земли,

Притормози Пежо, чтоб не обрызгал,
Развей туман густой, как молоко.

Им до Тебя добраться - близко-близко.
До булочной треклятой далеко.

Груши на хохломском блюде"

Мы сидели на веранде,

мы неспешно ели груши,

ели, чавкали, за ели

солнце заходило, за

ближний холм. Сказать по правде,

мне, болтливой рыжей вруше,

было стрёмно, как в купели,

было cool. И за глаза

я скажу, что было вкусно,

топко, мягко, непротивно.

Но тебе – не жди, ни слова!

Ем, молчу, смотрю закат.

Между письменной и устной –

эти груши. Груши дивны.

И чего же в них такого,

если ум мой, языкат

и треплив, когда не надо,

спешно складывает строки

в столбик, в стену, в небоскрёбы,

в город. В город – ни ногой.

Здесь у нас робинзонада.

Глянь, как груши желтобоки.

Здесь у нас любовь до гроба.

Правда, сладко, дорогой?